

16. ВЫБРОШЕННЫЙ ДЕДУШКА

Десять штук. Их пристроили у порожка, чтобы бросились мне в глаза, как только стану открывать дверь в дом. Причем пристроили в тенечке, на прохладной траве-мураве, чтобы солнце не пекло деликатесный продукт. Десяток крупных светло-шоколадного колера деревенских яиц в целлофановом пакете.

Тут, у порожка, их оставили, пока я, утомленный дорогой, лежал в саду, отгаивал, как говорят, душой под небесами родины. Увидели, что я приехал, и тихонечко этак, чтобы меня не смущать подаванием, обеспечили высококалорийное пропитание.

Должно быть, это кто-то из соседей, из первого соседского круга. Кто же, если не они, мог видеть, как я открывал ворота и загонял во двор машину. Но кто конкретно? Надо бы выяснить и поблагодарить.

Я взял пустое ведро и пошел на ВОСТОК. Там жил дед Илья, в его колодце очень вкусная вода. Мы с моим сыном Николаем сочинили про него такой каламбур: "А вот и я!" — Сказал дед Илья и принес семечки." Как только мы приезжали, дед Илья непременно появлялся на нашей усадьбе — то с кульком тыквенных семок, то с банкой молока либо квашенного березового сока.

Подходя к усадьбе деда Ильи, я услышал несусветный галдеж. Дед шел от хаты к сараю в окружении несчетной стаи птиц. Прежде всего обращали на себя внимание опереточные индюки, они издавали воинственные крики, намекая на содержимое огромного таза, который тащил перед собой мой сосед. Белые гусыни и серые гусаки высоко вытягивали шеи, норовя клюнуть в тот же таз. Разноцветные куры носились как угорелые и клевали друг дружку. Утки целенаправленно ковыляли за дедом Иьей, повторяя его походку. Воробьи пикировали в таз и взлетали с добычей. Две черные вороны сидели на заборе и ждали, пока дед Илья разнесет корм по углам усадьбы, тем самым утихомирят разно видовое сообщество птиц: из деревянного корыта предложит кушать индюкам, из цинкового — гусям, зеленую миску поставит перед курами, голубую — уткам.

Поздоровавшись с хозяином, я спросил, не могут ли его птицы поужинать все вместе, одной, так сказать, семьей, поскольку живут за общим забором. Люди и те не могут, а что ждать от дурной курицы! Так ответил дед Илья, и я понял, что предстоит разговор о последних политических событиях, за которыми дед Илья следил по той причине, что его сын жил в Риге, был там русскоязычным.

Несмотря на русскоязычность, о каковой дед Илья читал в газетах много страхов, сын был жив-здоров. Русские там загордились, не знают даже, как по-латышски сказать хлеб да вода. А белорусы не гордые, сын и невестка выучили латышский язык, живут там нормальными людьми, тьфу-тьфу, постучи, Толик, по дереву. Я постучал по забору, с которого две вороны снялись и плавно присоединились к курам. Сын недавно купил машину и гараж. Квартиру получил раньше, когда служил сверхсрочником в армии. Так что все для жизни есть. Было бы здоровье. И не сходили бы с ума политики. Завтра сын приезжает в гости. Посему я, конечно, был приглашен на соседский праздник.

Говоря о политике, дед Илья присматривался к ужинающей стае. Намечал, что завтра зарезать для сына. Всех своих индюков, гусей, уток, кур дед Илья знал в лицо, отличал по приметам. Сейчас его задача состояла в том, чтобы выбрать наиболее жирных, созревших для перелета за границу, в Ригу. Дед Илья их запомнит по пятнам и расцветкам, а когда они, наевшись, утомонятся, он их изловит, побросает в мешки, чтобы завтра утречком совершить над ними последнее хозяйское действие.

Судя по всему, дед Илья, занятый неотложными хлопотами, не видел, как я открывал ворота. Следовательно, не мог подбросить мне десяток шоколадных яиц. Может, это сделала баба Соня? Ее дом стоял на ЮГ от нашего.

Я занес домой ведро с водой и отправился в южном направлении. Баба Соня возилась с огородной грядкой. Тяжело разогнувшись на мое здрасте, она обрадовалась, что зашел, спросила, когда приехал (значит, не видела), поинтересовалась, заезжал ли на могилу родителей по дороге из Минска и все ли там, на могилке, в порядке. Да, я заезжал, там все хорошо, только трава высокая, дождей много, траве нравится. Баба Соня сказала, что цветам тоже нравится дождь, у нее в этом году есть красивые, долгоживущие, редкие, я должен взять, съездить на могилу еще раз и посадить там.

Сейчас, сказала она, возьми десять кустов помидоров — крепкие, как дубки. И уже цветут. Возьми и посади в своем огороде. Огурцы я тебе вчера посеяла, а помидоры — ты сам, не белы ручки, небось. Мои доводы, что помидоры не картошка, им нужен ежедневный присмотр, а я приезжаю за лето раза три-четыре, она проигнорировала: "Раз вырастет картошка, то вырастут и помидоры. Я прополю, я полью!"

Она осторожно вырвала из ящика помидорные кусты, завернула во влажную тряпицу, подала мне из рук в руки: "Выкопай ямки. Положи старого навоза, у вас в сарае остался. Дай кротовой земли. Полей теплой водой. Все перемешай руками. Посади глубоко. Привяжи сразу к палочкам, помидоры

высокие. Могут поломаться." Я взял зеленую, остро пахнущую охапку и понес домой, озадаченный.

Сперва я решил раздобыть указанные бабой Соней палочки. Я знал, где они в избытке, — НА ЗАПАДЕ. У нашего западного соседа Василия. У него во дворе смонтирован станок, на котором Василий строгает доску-вагонку для односельчан, для земляков окрестных деревень. Недавно он вышел на пенсию (был колхозный шофер) и основательно занялся деревообработкой. А где обработка, там отходы. Гора обрезков на усадьбе, по поводу чего Василий не однажды мне говорил: бери, если надо, а то некуда девать.

Василию было теперь не до меня. Вдвоем с заказчиком они грузили на тракторный прицеп готовую доску. Ответственный момент! Заказчик оценивал качество. Я не стал мешать им и полез выбирать палки. Узнав, зачем мне они, Василий посоветовал вдогонку сходить к Шуре, который-де по-серьезному занимается помидорами и может дать хороший препарат от всех помидорных врагов.

Я принес палки домой и, поскольку уже вечерело, тотчас отправился в нужном направлении — НА СЕВЕР. К соседу Шуре, колхозному трактористу. У него на усадьбе тоже был ответственный момент. Шура с сыном, работавшим в райцентре, заканчивали монтаж новой теплицы, водружали верхнюю часть конструкции. Я оказался кстати, конструкция была тяжелой, требовался третий мужчина.

Во время монтажа спрашивать о каких-то куриных яйцах было несерьезно. А затем я о них забыл. По окончании строительства теплицы Шура пригласил меня отужинать вместе с ним, сыном и женой Зиной, приехавшей на велосипеде с поля, где она полола колхозную свеклу.

Домой я вернулся, когда было темно. Кулечек с чудодейственным препаратом от помидорных врагов был у меня в кармане. Руками обнимал теплую трехлитровую банку молока, врученную мне Зиной. Молоко было только что от коровы, банку решил оставить на ночь на улице, чтобы остыла.

У стены дома была скамеечка, на ней молоку предстояло переночевать. В темноте на скамеечке угадывались какие-то предметы. Включив на веранде свет, я увидел на скамейке следующее: кош картошки, поверх каковой пучок зеленого лука с белыми головками, пучок щавеля, трехлитровая банка молока (еще одна, значит), целлофановый мешок с яйцами (уже, значит, будет двадцать), бутылка из-под пепси-колы, заткнутая газетной пробкой, которую я, осененный догадкой, тут же понюхал и узнал отличную полесскую самогонку.

"Жить можно!" — подумал я и тут, наверно, заснул, наперед зная, что скоро со всех сторон света послышатся будильники — соседские петухи, эти древние автоответчики на русский вопрос "Что делать?" Вставить — вот что делать. Жить нормальными людьми.

Однажды редакция командировала меня на международный семинар молодых писателей. Чтобы я пообщался, почитал их произведения, послушал их споры, написал заметки об услышанном и увиденном.

За окнами семинара двенадцать дней молча стоял заснеженный лес. А семинар кипел страстями.

Семинаристы спорили о том, может ли муха своим жужжанием просверлить окно, правомерна ли подобная метафора. Не достигнув единства мнений, переключались на выяснение, похож ли беличий хвост на шишку — точно ли сравнение. Не найдя определенного ответа, ставили перед собой следующий вопрос: способна ли змея блаженно зажмуриваться? Благопристойно ли сравнивать со змеей речку, явление возвышенное? После змеи молодые писатели принимались тщательно подсчитывать в текстах друг друга глаголы, эпитеты и отрицательную частицу "не".

Я слушал и поглядывал в окно. Представлял, что делается по ту сторону стекла. По причине зимы мухи, безусловно, находились в спячке. Белки, наверно, сидели в дуплах и грызли орешки (если их удалось заготовить в лесу, катастрофически усыхающем от болезней, принесенных людьми). Что касается змей, то большинство из них зажмурились навечно, а оставшаяся часть занесена в Красную книгу. Частицу "не" можно приложить к речке, тоненькой змейкой струящейся рядом с домом творчества. Это не речка, а сточная канава. Накануне семинара хозяева соседнего колхоза вылили в речку цистерну отходов, по мелкой воде долго плыли белесые хлопья и непривычно белые рыбешки, перевернутые вверх животиком. Мертвая вода, как и живая вода, тоже соединяет мир. Но это уже — НЕ МИР.

Не речка. Не вода. Не рыба. Не лес. Не дом. Не хозяева. Не люди. Не жизнь. Не мир.

Потрудитесь, пожалуйста, подсчитать отрицательную частицу "не"! Может быть, после этого несущественный спор отойдет на второй план. А на первый — ворвется реальная действительность.

Семинаристы по-школярски отрывали слово от всего мира и пытались это мертвое слово оценить. Из неслова никогда не родится новый мир — литература.

Одно из заседаний семинара вел русский прозаик Владимир Крупин. Он говорил: "Читал ваши рукописи и замечал гражданскую трусость. Вы хороши

на все случаи жизни, угодны всем правительствам. Нет дерзости мысли. Нет активного вторжения слова в жизнь."

Потенциал учеников позволял им следовать тем курсом, на который направляли учителя. Посмотрите, кто прибыл на семинар! Боец военизированной охраны. Слесарь. Учитель. Врач. Диспетчер завода. Журналист. Инженер. Электромонтер. Научный сотрудник. Дворник... Всем уже под сорок лет. За душой богатейший запас собственного опыта, не придуманной жизни. Бери и записывай. И люди будут читать взахлеб, как откровения о самих себе. Увы, они сочинили некую среднеарифметическую жизнь без настоящих людей.

Русский прозаик Дмитрий Гусаров говорил: "Меня поражает, что в ваших рассказах отсутствует ваш жизненный опыт. Нет вас, есть ваша гордыня. Самодовольство. Не могу понять, как можно жить одним, а сочинять другое. Вам надо встряхнуться. Сделать прорыв к себе."

Русский критик Геннадий Семенов говорил: "В ваших рассказах неуютно, холодно, словно во временном пристанище. Неужто такова Россия, как у вас? Вы — кочевники. Ребятки, срочно стройте свой дом. Чтобы в нем хотелось поселиться. Как в доме Яши Удина."

Удины — кавказская народность, насчитывающая всего семь тысяч человек. Они живут в одном селении. Говорят на своем языке, не имеющем письменности. Взяв псевдонимом имя нации, тридцатилетний писатель поставил перед собой задачу: открыть миру глубинные причины выживания малочисленного народа.

На семинар Яша Удин привез повесть, написанную вторым родным языком — русским. Язык был не так изыскан, как у русских семинаристов, но в повести присутствовала жизнь удинов, строящих новый дом и не забывающих дом старый. В произведении полнокровно пульсировала действительность. Жаль, русские семинаристы ее не заметили, они придрались к языковым погрешностям и кинулись защищать великий и могучий русский язык, с которым двенадцать дней носились как курица с яйцом.

Материал о семинаре поступил в редакцию в срок. Но в очередном номере союзной газеты не вышел. Я позвонил заместителю главного редактора, который направлял меня на семинар и с которым давно сложились хорошие человеческие отношения. Он сказал, что не хватило места и что в следующем номере заметки о семинаре будут обязательно опубликованы. Увы, не опубликовали.

Повторно нарушив служебную субординацию, имея в виду хорошие человеческие отношения, я задал заместителю прямой вопрос: почему? Он

сказал, что материал получился большой, надо бы сократить, и тогда наверняка будет свет. Но публикации не свершилось.

Сотрудник отдела, который отвечал за материал на редакционном конвейере, сначала вытянул из меня обет неразглашения тайны, а затем разъяснил ситуацию. После первого же прочтения заметок заместитель главного редактора, с которым у меня сложились хорошие человеческие отношения, вернул сотруднику материал со следующим приговором: "Не может белорусский писатель критиковать русских писателей в русской газете."

Это ответственно заявил образованный русский интеллигент, высокий редакционный начальник, приятный во всех отношениях человек, компанейский мужчина зрелого возраста. Оказывается, много лет общаясь со мной по службе и по дружбе, он не забывал, что я белорус, а он русский. Что я низший, а он высший. Перво-наперво высший не по должности, а по расе. И нарушать эту субординацию я не имею биологического права.

Проницательный читатель может сам ответить, почему русская газета не напечатала мой материал о деревенском шоколадном яйце. Автор допустил непочтительные выпады белорусского крестьянина в адрес русских. Ладно простой сельский дед, но журналист-то должен понимать, что русские помогли Латвии стать развитой республикой, кстати, вашей Белоруссии — тоже. Русские вложили свой интеллект во все национальные республики и вправе рассчитывать на уважение. Я уточнил, что интеллекта русских не хватило, чтобы поинтересоваться, как по-латышски хлеб. Вот что удивило простого, но мудрого деда Илью.

Дискуссия возникла на уровне заведующего отделом. Также умный мужчина, отличный журналист. Как компромиссный вариант он предложил вычеркнуть размышления деда Ильи о русскоязычных в Латвии. На что я возразил, что в таком случае надо вычеркивать из реальности всего деда Илью. Для него сейчас нет ничего важнее, чем счастливая жизнь его сына в Риге. Русскоязычный белорус выучил латышский язык и живет в Латвии нормальным человеком. А русские кричат, что их там притесняют. Дед Илья размышляет, почему так происходит, и находит простой ответ: потому что русские гордые. То есть в определенном смысле ненормальные, чему способствует обязательная капля шовинизма в крови.

— Если не выбросишь своего дедушку, я выброшу материал в корзину! — резанул коллега. Мне показалось, что заведомо по-русски рубаху рванул на груди.

— Пошел ты!.. — сказал я тоже по-русски.

1999